

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ ARTICLES AND POSTS

ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

УДК 930.85

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-13-48

Организация и содержание научно-педагогического процесса в Пражском университете (XIV–XV вв.)

А. В. Рандин

Статья посвящена одному из важнейших аспектов истории средневековых университетов: организации и содержанию научно-педагогической деятельности на примере Пражского университета, первого в Центральной Европе, который оказал существенное воздействие на формирование университетской системы в этом регионе. Отмечаются основные критерии, определяющие сущность средневекового университета: публично-правовые функции международной и автономной корпорации (*universitas*) и право присваивать ученые степени (*studium generale*). Как корпорация Пражский университет разделялся на четыре «нации», формировавшиеся по территориально-этническому принципу, а свои функции «генеральной школы» осуществлял посредством четырех факультетов. Материальную базу университета составляла сеть так называемых коллегий. Автор анализирует сложную иерархизированную систему взаимоотношений этих во многом автономных субкорпораций, которая окончательно сложилась к началу XV в. и позволила пражской высшей школе успешно осуществлять научно-педагогический процесс на уровне ведущих университетов Европы. В статье подробно рассматриваются основные формы учебного процесса, номенклатура, содержание и соотношение преподаваемых дисциплин, порядок присвоения ученых степеней на всех факультетах. Подчеркивается, что собственно ядром и смыслом научно-педагогической деятельности была хорошо продуманная и выстроенная в рамках схоластического метода система диспутов различного уровня. Материал статьи позволяет задуматься и над проблемой взаимоотношений университета и общества в том плане, насколько социальная дестабилизация влияет на положение высшей школы. Автор показывает, что назревающая гуситская революция, с одной стороны, необычайно подняла престиж университета как идеологического бастиона чешской реформации, а с другой стороны, привела его к длительному упадку как педагогического и научного центра.

Ключевые слова: средневековые университеты, Пражский университет, канцлер, университетские нации, факультеты, коллегии, ректорская юрисдикция, лекции, экзерциции, диспут, кводлибет, бакалавр, университетология.

Для цитирования: *Рандин А. В.* Организация и содержание научно-педагогического процесса в Пражском университете (XIV–XV вв.) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 13–48. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-13-48

Медиевистика давно и плодотворно разрабатывает историю европейских университетов. Современный уровень исследований делает актуальной глобальную постановку «университетской» проблематики как важного фактора развития европейской цивилизации. Университеты продолжают изучаться как феномен средневековой научно-педагогической культуры, но при этом заметны и новые подходы: анализ процессов формирования академических групп политических элит, которые много сделали для возникновения современных государств, а также история наиболее жизнеспособных институтов, которые, гармонично сочетая устойчивость и способность к изменению, смогли просуществовать века. К их числу, наряду с церковью и государственными структурами, принадлежат и университеты [38; 58; 76].

Определенная традиция в этом смысле существует еще с XIX века и в отечественной историографии: известная книга Н. С. Суворова, незаслуженно забытые работы В. В. Игнатовича и некоторые другие публикации [1; 3; 4; 5; 26]. В новейшее время она получила дальнейшее развитие, вышли работы П. Ю. Уварова, Б. Г. Струкова, Г. И. Липатниковой, А. В. Рандина и другие [27–29; 24–25; 7–12; 18–22]. Но все же об интенсивном изучении университетской проблематики в нашей стране говорить не приходится. В обобщающих работах заметно стремление представить своего рода универсальную модель средневекового университета. Однако недостаток конкретно-исторических исследований неизбежно приводит к многочисленным неточностям и искажениям. Недостаточно учитывается специфика различных типов университетских организмов (парижского, болонского, английского, центрально-европейского и т. д.), они рассматриваются статично, вне всякой эволюции. В такой ситуации любые генерализации и попытки моделирования истории высшей школы в средние века представляются преждевременными. Они должны опираться на ряд исследований конкретного характера, в которых предметом анализа стала бы история по возможности каждого из европейских университетов.

С этой точки зрения специального внимания заслуживает Пражский университет, старейший в Центральной Европе и оказавший существенное воздействие на формирование университетской системы в этом регионе [72].

Достаточно обоснованным представляется мнение о том, что Пражский университет в весьма характерной форме соединяет две главные эпохи европейской университетской истории: время международных университетов и период территориально-конфессиональных академий. Более того, его можно назвать последним университетом старого типа, который одновременно был носителем новых тенденций, приведших в XIX веке к созданию современной модели высшей школы [64, s. 13–14].

Университетская история имеет три главных «измерения»: институциональное, научно-педагогическое и социально-культурное. Эти аспекты предметно различны, с течением времени изменяются асинхронно и требуют специфических методов анализа. Привести их в соответствие и представить «гармонизированную» историю университета в рамках одной статьи чрезвычайно трудно. Поэтому мы сосредоточимся лишь на одной стороне жизни Пражского университета, указанной в заглавии, по возможности отвлекаясь от других ее ипостасей.

Для того чтобы точнее определить угол зрения, под которым будет рассматриваться история Карлова университета, вспомним основные критерии, определяющие сущность средневекового университета и отличающие его от других учебных заведений того времени. Первый из них заключается в публично-правовых функциях автономной «ученой» корпорации, получивших наиболее полное выражение в ректорской юрисдикции. Именно такое содержание вкладывалось первоначально в понятие «universitas». Второй неотъемлемый признак университета – право присваивать ученые степени, признаваемые другими университетами и всем «ученым миром» западного христианства. С этой привилегией связано другое название средневекового университета – «генеральная школа» (*stadium generale*) [22].

«В лето Господа нашего 1348-е император Карл основал в Праге университет для изучения теологии, канонического права, медицины и свободных искусств», – лаконично сообщает «Хроника пражского университета» [45, s. 567]. Однако основание Пражского университета было не единичным правовым актом, но довольно длительным и поэтапно осуществленным процессом. Он завершился к концу XIV в., когда сформировались основные принципы организационной структуры, сложилась материальная база, а академическая жизнь приобрела четкий регулярный ритм. Целесообразно представить принципиальную схему университетского организма¹, затем проследить, как она изменялась вплоть до конца XV века.

Как правовая община, университет разделялся на ряд в значительной степени автономных субкорпораций. Правами «юридического лица» обладали

¹ См. схему № 1, составленную на основе следующих публикаций: [33; 34; 36; 37; 39; 41; 44; 46; 57; 59; 71; 90; 94; 97].

так называемые «нации», формировавшиеся по территориально-этническому принципу: чешская, польская, баварская и саксонская [77]. Свои функции «генеральной школы» университет выполнял посредством факультетов, т. е. объединений по принципу учебно-научной специализации. Примечательно, что Пражский университет изначально располагал полной структурой факультетов в отличие от ряда других центральноевропейских университетов (факультет искусств, теологический, юридический и медицинский). Запись на них производилась путем занесения в списки (матрику) соответствующей «нации».

Во главе «корпорации магистров и студентов Пражской школы» стоял ректор, которым мог быть любой член университета, имеющий, по крайней мере, низшее духовное звание, но не монах. Установленный возрастной ценз – 25 лет. Ректор избирался на общем собрании общины многостепенным голосованием посредством выборщиков от каждой «нации» по большинству голосов. Ректор представлял университет за его стенами, возглавлял университетский суд, председательствовал на общем собрании, управлял университетским имуществом, назначал преподавателей низших («партикулярных») школ и контролировал их деятельность¹. В рассматриваемый период ректор избирался два раза в год (т. е. на один семестр).

Для решения наиболее важных вопросов ректор созывал общее собрание университета, членами которого были как магистры, так и студенты. Здесь обсуждались и изменялись статуты, решались вопросы о назначении такс, уровне штрафов и тому подобное. Общее собрание созывалось регулярно два раза в год, решения его заносились в книгу статутов.

В делах меньшего значения функции общего собрания выполнял совет университета – совещательный орган при ректоре². В распоряжении ректора находился «исполнительный аппарат»: два коллектора, нотариус и педель.

Интересы церкви в университете представлял канцлер, в качестве которого папой Римским был утвержден архиепископ Пражский. В плане дальнейшего развития важно указать, что с 1405 г. вице-канцлером являлся ректор. Канцлер давал разрешения на проведение экзаменов и практически решал вопрос о присвоении ученых степеней. Он являлся также высшей апелляционной инстанцией по приговорам ректорского суда.

Факультеты возглавлялись деканами, которые по должности считались ниже ректора, но по службе от него не зависели, а напрямую подчинялись канцлеру. Они также избирались на полгода преподавателями, регулярно

¹ Эта весьма специфическая и важная в плане изучения системы образования в Чехии функция требует специального рассмотрения и не может быть подробно проанализирована в рамках данной статьи.

² Отметим, что постепенно роль совета возрастала, а реальное значение общего собрания падало, в результате чего студенчество оттеснялось от управления университетом.

работавшими на факультете (магистрами-регентами), открытым голосованием. Функции декана состояли в том, чтобы представлять факультет на собрании университета, наблюдать за соблюдением факультетских статутов, управлять имуществом факультета и, что самое главное, руководить учебным процессом, контролируя работу бакалавров и магистров. В хозяйственных и финансовых вопросах декану помогали два коллектора и два ассессора, избираемые одновременно с ним. Четверо диспензаторов (по одному от каждой «нации») давали разрешение на чтение экстраординарных лекций. Магистры-регенты, более пяти лет работавшие на факультете, образовывали совет факультета.

Еще одной формой привилегированной университетской субкорпорации были коллегии – магистерские или студенческие, в зависимости от состава своих членов. О них еще будет идти речь в иной связи, здесь же обратим внимание лишь на институциональный аспект. Коллегии были практически независимы от общеуниверситетских органов за исключением того, что любой коллегият должен был одновременно являться членом университета. Магистерские коллегии возглавлялись выборными пробстами, студенческие – директорами, которые распоряжались казной, библиотеками и коллегиятным имуществом.

Итак, к концу XIV века Пражский университет представлял собой весьма сложную иерархизированную систему. Это был крупный учебный и научный международный центр, по своему уровню сопоставимый с университетами Парижа, Болоньи и Оксфорда. Проблематика данной статьи не предусматривает подробного анализа весьма важных параметров значительности того или иного университета: «фреквенции»¹ студентов и магистров, динамики социального и этнического состава, профессиональной деятельности воспитанников университета и т. п. [89; 90; 94]. Но при этом нельзя пройти мимо той стороны функционирования университетской общины, которая, на первый взгляд, имеет косвенное отношение к научно-педагогической деятельности, но на практике во многом определяет ее. Я имею в виду материальную базу университета. На рубеже XIV–XV вв. ее основу составляла система коллегий, три из которых были магистерскими в строгом смысле слова. Первая, наиболее значительная из них возникла в 1366 г. и носила имя своего основателя, чешского короля и римского императора Карла IV – Каролинум. Согласно учредительной грамоте и статутам коллегии, она предназначалась для 12 магистров артистического факультета, двое из которых должны были обладать правом преподавания теологии [63, II, S. 231–235]. В 1383 году Каролинум получил от короля Вацлава IV новый дом – бывший дворец королевского минцмейстера Иоганна Ротлева.

¹ То есть колебания численности.

После надлежащей перестройки [15, с. 13–20] коллегия стала главным центром университетской жизни (ее название зачастую переносилось на весь университет). Здесь находились личные покои магистров, вместе с которыми жили их слуги из числа студентов, размещались учебные аудитории и богатая библиотека. В коллегии Карла располагалась резиденция ректора и происходили собрания университетской общины. Магистры-коллегиаты получали не только жилье, но и полное обеспечение за счет доходов коллегии, которые складывались главным образом из ренты с зависимых крестьян и постоянных платежей. Известно, что Каролинуму в предгуситский период принадлежало шесть деревень, которые давали около 217 коп чешских грошей [80, с. 19]. Для того времени это была довольно приличная сумма. Для сравнения отметим, что держатели обычных церковных бенефициев имели от 8 до 12 коп годового дохода [57, с. 12].

Учреждая Каролиnum, Карл IV предоставил университету особую привилегию [63, II, с. 236–240], согласно которой магистры Карловой коллегии получали исключительное право занимать места каноников и пребенды королевского капитула Всех Святых на Пражском Граде¹: освободившийся каноникат замещался старшим из коллегиатов Каролинума по представлению короля. Так была основана вторая коллегия – Всех Святых (Ангельская)².

Ее статуты не сохранились, но есть все основания полагать, что она представляла собой типичную магистерскую коллегия, в которой студенты могли получить место лишь в качестве слуг [84, с. 87]. В 1380–1381 годах коллегия также получила собственное здание в Старом Месте Пражском [84, с. 86].

Капитул и собственно коллегия Всех Святых являлись не только престижным, но и богатым церковным институтом. Как и в других случаях, ее доходы поступали в основном от зависимых деревень, точное количество которых для предгуситского времени неизвестно, но, видимо, она была самой богатой среди университетских фондов³. Предназначенная первоначально для магистров факультета свободных искусств, она с течением времени стала доменом пражских теологов [84, с. 92].

Около 1380 года возникла еще одна магистерская коллегия, как и Каролиnum предназначенная для «артистов» и теологов. Она получила название по имени своего основателя – коллегия короля Вацлава (Императорская).

¹ Часовня Всех Святых была основана Карлом (тогда еще моравским маркграфом) в 1339 году. Капитул состоял из 11 каноников, 10 священников, возглавляемых пробстом [95, d. III, с. 76–77]. Пребенды – фиксированный доход с церковной должности. Минцмейстер – управляющий монетным двором.

² На основе королевского капитула.

³ Так считают В. В. Томек, З. Винтер, И. Петрань [95, d. IX; 98, с. 12; 71, с. 17]. М. Сватош, не отрицая этого, более осторожен в выводах. Он приводит список 11 деревень, принадлежавших капитулу Всех Святых [80, S. 21], но при этом подчеркивает, что соотношение между владениями капитула и собственно коллегии до сих пор не выяснено [84, с. 89–90].

Коллегиатам принадлежал дом с аудиториями в Старом Месте, а также платежи с трех деревень. По некоторым данным можно предполагать, что годовой доход магистра этой коллегии составлял две трети того, что имел коллегиат Каролинума [95, d. IX, s. 233; 94, s. 60–61].

Примечательно, что упомянутые фондации сохраняли автономию от соответствующих факультетов (артистического и теологического), которые обязаны были вносить плату за использование помещений в коллегиях.

Существовали и коллегии, принадлежавшие исключительно факультетам. Основание коллегии юристов связано с возникновением в Праге самостоятельного юридического университета¹, которому Карл IV в 1373 г. даровал дом в Старом Месте [63, II, s. 25]. Здесь находилась резиденция ректора, проводились учебные занятия, совершались официальные акты юридического университета. Трудно судить, предназначались ли места в коллегии для докторов или студентов [80, s. 22].

Первое упоминание в источниках о медицинской коллегии относится к 1405 г. [63, II, s. 25], но факультет, по мнению исследователей, располагал собственным домом гораздо раньше, вероятно, еще при жизни Карла IV [33, s. 54–55; 91, s. 37–38]. В коллегии размещалась администрация факультета, шли занятия, проводились собрания, работала библиотека. Вероятно, здесь жили и некоторые магистры. Другие являлись зажиточными пражскими домовладельцами или коллегиатами других коллегий, так как зачастую преподавали и на артистическом факультете. Для студентов, видимо, была достаточна система магистерских бурс прямо в домах их профессоров².

С конца XIV века получают распространение фондации, предназначенные для студентов. К сожалению, сведения в источниках о них имеют фрагментарный характер и распределяются крайне неравномерно. Наиболее полными данными мы располагаем о так называемой коллегии королевы Ядвиги (Литовская, Иерусалимская), которая была основана польской королевой в 1397 г. и предназначалась первоначально для студентов-выходцев из Литвы [82; 101], но в действительности там проживали чешские студенты. Согласно статутам [101, s. 31–36], коллегия была рассчитана на 12 человек (4 студента, 7 бакалавров и 1 магистр-директор). Для содержания коллегии были закуплены постоянные ежегодные таксы на сумму в 41 копу чешских грошей, которая с течением времени увеличилась [101, s. 23; 81, s. 50]. Первоначально Литовская коллегия размещалась в знаменитом

¹ Раскол произошел в 1372 году. В его основе лежал конфликт по организационному вопросу: статуты Пражского университета ориентировались преимущественно на парижский образец, тогда как юристам были ближе традиции Болонского университета как корпорации «студенческого» типа [37; 55, s. 19–32].

² Магистры из числа монахов содержались за счет созданных в Праге генеральных училищ соответствующих орденов, организованных по типу коллегий [46].

«Иерусалиме»¹, основанном одним из «предшественников Яна Гуса» – Яном Миличем, а в 1413 г. получила новый дом в Старом Месте.

Статуты предписывали полное равенство обитателей коллегии, как в питании, так и в соблюдении внутреннего распорядка. Жилые комнаты занимались по старшинству и с учетом наличия бакалаврской степени. Руководивший коллегией магистр был обязан проводить ежедневные занятия со студентами, а также соответствующие диспуты с бакалаврами и студентами. Единственным и обязательным языком общения был латинский, за нарушение этого требования взимался штраф. Коллегия располагала также собственной библиотекой.

К 1403 году относится первое упоминание о студенческой коллегии чешской нации [99, s. 42]. Она имела собственное здание и, по всей видимости, могла располагать доходами с принадлежащей чешской университетской нации часовни Тела Божьего и дома «У черной розы» [81, s. 50–51]. В коллегии размещалась богатая библиотека [87]. К сожалению, неизвестно количество студентов, проживавших одновременно в коллегии Чешской нации.

Еще одна студенческая коллегия была создана при Вифлеемской часовне, основанной в 1391 г. и ставшей вскоре главным центром гуситской пропаганды. Впоследствии коллегия получила название Назаретской. Число студентов Назарета неизвестно, но в источниках есть упоминание, относящееся к 1418 г., в котором речь идет о четырех студентах, называемых поименно и «других... живущих в Вифлееме».

Места в коллегии занимались по представлению трех старших магистров Каролинума из числа чехов, а директором всегда являлся кто-либо из клириков Вифлеемской часовни. О доходах Назарета известно, что основатель часовни и коллегии пражский купец Кржиж в 1406 г. завещал студентам постоянный платеж в 10 коп грошей. По данным В. В. Томека, имелись еще дополнительные поступления с нескольких деревень. Согласно последней воле Кржижа (1412 г.), коллегия получала переднюю часть его дома [81, s. 49–50; 90, s. 59].

Следует отметить также, что в конце XIV – начале XV веков в Праге было основано несколько домов (коллегий) для бедных студентов. Например, в 1379 г. на средства, завещанные бывшим студентом Пражского университета Винсентом Нидеком, в Старом Месте была основана коллегия, которая так и называлась – Collegium Pauperum [31]. Дома бедных студентов отличались от студенческих коллегий прежде всего тем, что предоставляли не полное обеспечение, а только жилье. Они не имели также специальных уставов [90, s. 59–60].

¹ Здание, где находилась школа проповедников и приют для раскаявшихся блудниц.

Приведенные данные позволяют заключить, что создание системы коллегий¹ завершило организационное становление Карлова университета. Сложилась прочная материальная основа для функционирования действительно «генеральной школы» (так назывались средневековые университеты), хотя по числу мест в коллегиях Прага уступала Парижу и Оксфорду [64, s. 62]. С другой стороны, создание магистерских коллегий типа Каролинума с его жилыми помещениями, аудиториями и библиотекой, с гарантированным обеспечением профессоров² следует оценивать как важный рубеж в истории средневековых университетов и как существенный признак университетов центрально-европейского региона, бравших Прагу за образец [80, s. 33]. Дальнейшую жизнь Пражского университета без коллегий просто невозможно себе представить. Именно они обеспечивали ежедневный контакт профессоров и студентов, формировали тесные связи между учителем и учеником, словом, делали университет университетом.

Собственно научно-педагогическая деятельность средневековой высшей школы концентрировалась на факультетах, между которыми существовало определенное соподчинение: «старшие» (теологический, юридический, медицинский) и «младший» – артистический. В связи с этим прочно укоренилось мнение о том, что факультет искусств представлял собой лишь подготовительную ступень для обучения на других факультетах, но это весьма неточно. Действительно, сложилась традиция, хотя это и не предписывалось официально, перед поступлением на один из высших факультетов заканчивать или какое-то время учиться на артистическом факультете. Это определялось преимущественно философско-теологическим характером высшего образования, а также стремлением материально «обезопасить» себя (получение ученой степени на факультете искусств открывало перспективы на занятие церковного бенефиция, должностей в городской администрации, мест школьных учителей или коллегиятур). Однако в XIV веке задачи предварительного общего образования все более возлагались на низшие городские школы, а факультет искусств ориентировался главным образом на изучение логики и философских, естественно-научных, этических и политических трудов Аристотеля. На рубеже XIV–XV веков магическое число «семи свободных искусств» сохранялось лишь в названии факультета, который точнее было бы называть философским. Содержание традиционных «тривиума» и «квадривиума» кардинальным образом изменилось. Студент факультета – «артист» – осваивал здесь основы схоластического

¹ Параллельно с коллегиями существовала система «частных» бурс, содержавшихся отдельными магистрами или бакалаврами. Университетские статуты запрещали студентам проживание вне бурс и коллегий [63, III, S. 12–13].

² Коллегиатуры представляли собой не только форму оплаты труда преподавателей, но и прообраз будущих кафедр [64, S. 59].

метода и схоластического мышления вообще, получал основные знания о природе, обществе и человеке. Тем самым факультет искусств, самый многочисленный в университете (в Праге – две трети общего количества слушателей [71, s. 18–19]), формировал профиль всего обучения в высшей школе.

Статуты и «книга деканов» факультета позволяют составить представление о содержании научно-педагогического процесса. Прежде всего нужно отметить, что средневековые университеты, в отличие от современных, не представляли собой педагогических учреждений, предназначенных для образования молодежи в соответствии с целями и требованиями, определяемыми обществом или государством. Каждый по своему желанию учился чему хотел и так долго, насколько позволяли его возможности (известна, например, категория так называемых «вечных студентов»). Не регламентировалась ни номенклатура предметов, ни порядок их изучения. Но если студент ставил перед собой цель достигнуть ученой степени с тем, чтобы самому получить право преподавания, то ситуация выглядела иначе. В этом плане статутами предписывалась довольно четкая система годового хода занятий, определяющая перечень и продолжительность курсов. Условный «учебный план» пражского факультета искусств содержал 33 позиции. Максимальная продолжительность одного курса составляла 12 месяцев («Альмагест» Птолемея), минимальная – две недели («О памяти и воспоминании», «О продолжительности и краткости жизни» Аристотеля, «О продлении жизни»). Подсчитано, что лишь 27 % предметов читалось полгода и более, тогда как 39 % курсов изучалось менее трех месяцев [49, s. 9]. О важности тех или иных предметов можно судить по перечню курсов, обязательных для экзаменов на ученые степени. Бакалаврский экзамен включал в себя восемь предметов [49, s. 11]. Прежде всего, это комплекс дисциплин, именуемый «*vetus ars*», в который включались: «Введение» в аристотелевскую логику Порфирия в переводе Боэция и произведения Аристотеля, известные в Европе уже к XII в.: «Категории» и две книги о философских принципах. К ним добавлялись обе «Аналитики», «Топика», а также две книги «О софистических доказательствах» (*Elenchorum*). Среди обязательных находились также «Физика» и «О душе» Аристотеля, «Трактат Петра Испанца» (учебное руководство по логике) и труд Иоанна де Сакробоско, служащий введением в астрономию («*Sphaera materials*»).

Для экзамена на степень магистра искусств предлагалось пятнадцать «книг» [49, s. 12]. Среди них выделяются серия философских трудов Аристотеля – «Метафизика», «Этика», «Политика», «Экономика». Из его логических произведений сохраняется только «Топика», зато возрастает доля книг природоведческого характера: «О небосводе», «О возникновении и гибели» и «*Meteorum*», к которым примыкают два психолого-физиологических труда

(*parva naturalia*). Претенденты на магистерское звание должны были обладать знаниями по геометрии (шесть книг Евклида) и астрономии (средневековые трактаты «Теория планет» и «*Perspectiva communis*»). Подчеркнем, что большое внимание уделялось изучению знаменитого «Альмагеста» Птолемея, хотя он и не был обязательным для экзаменов [49, s. 16]. Необходимо было знать одно из пособий по арифметике («*Algorismus*»). При этом следует особо указать на пособие по составлению календаря церковного года «Альманахус», который хотя и находился за пределами экзаменационных требований, но имел большое практическое значение [49, s. 16]. Наконец, нужно было изучить весьма популярную в средневековье книгу «*Musica miris*», которая, в сущности, являлась сокращенным вариантом руководства по музыке Боэция.

Сам перечень экзаменационных предметов, а также имеющиеся данные о процентном соотношении длительности курсов [49, s. 11–17] позволяют сделать следующие выводы: традиционный тривиум был представлен среди обязательных предметов только диалектикой (логикой), на которую отводилось 35 % общего объема лекций в максимальном варианте и 26 % в минимальном¹. Грамматика и риторика в Праге не входили в число экзаменационных дисциплин, хотя соответствующие курсы и читались. По-видимому, это было связано с наличием развитой сети низших школ в Чехии и империи, где преподавались начальные грамматические и риторические дисциплины.

Большая часть лекционного времени (65–74 %) отводилась предметам квадривиума. И здесь произошел сдвиг в пользу трудов по натуральной и моральной философии (56–52 %). Важно отметить, что центр тяжести изучения философии лежал в сфере этико-социальной, которой принадлежало 37–31 % учебного времени, отводимого на дисциплины философской группы, тогда как на главный труд Аристотеля – «*Метафизику*» приходилось лишь 18 %.

На остальные предметы прежнего квадривиума оставалось 9 % общего объема лекций в минимальном варианте и 22 % в максимальном. Среди них главное значение придавалось геометрии и астрономии, уровень развития которой на пражском факультете искусств был достаточно высоким [65, s. 100–121]. Студенты владели основами сферической астрономии и географических знаний о земном шаре (расположение тропиков и полярных кругов). Им было знакомо учение о движении планет, координаты «неподвижных звезд», изменение точки весеннего равноденствия. Осваивались

¹ Учебный год начинался 19 октября и заканчивался 16 октября с перерывом на каникулы (14 июля – 25 августа). Не учились также по воскресеньям и праздникам, т. е. почти сто дней в году [63, I. s. 3]. В такой ситуации было естественным, что наиболее длительные курсы начинались осенью, а краткие читались весной и летом. Большое число весенних праздников еще более сокращало время на их изучение. Поэтому была установлена максимальная и минимальная продолжительность экзаменационных курсов.

также вспомогательные математические приемы астрономических вычислений. Арифметика и музыка углубленно не изучались (читались краткие курсы продолжительностью максимально в один месяц).

Специальный интерес представляет вопрос о продолжительности обучения. Ученых степеней добивалась лишь незначительная часть студентов факультета. Ф. Кавка подсчитал, что для освоения дисциплин бакалаврского цикла требовалось максимально полтора года, подготовка к экзамену на степень магистра продолжалась около трех лет [49, s. 17–18]. Но в данном случае речь идет о «чистом» времени, достаточном при условии непрерывного обучения. В действительности же пражские «артисты» часто и по различным причинам покидали факультет на тот или иной срок [90, s. 46]. Поэтому реальная длительность обучения на факультете могла колебаться с довольно большой амплитудой (до 10 лет и более) [90, s. 46], хотя большинство бакалавров, добившихся магистерского титула, укладывались в двух-трехлетний срок.

Учебный процесс осуществлялся в формах лекций, практических упражнений, повторений и разного рода диспутов. Лекции делились на обычные и экстраординарные, т. е. обязательные и необязательные при сдаче экзаменов. Согласно статуту 1367 года распределение лекционных курсов происходило 1 сентября, исходя из принципа, что каждый магистр в состоянии преподавать любой предмет. В соответствии с академическим стажем магистры выбирали «книги» по своему желанию. Те, кому не хватало книг «ординариума», были обязаны читать какой-либо экстраординарный курс [63, I, s. 14–17]. В 1370 году было принято постановление о допустимости «конкуренции» между магистрами, когда один и тот же предмет ординариума могли читать еще двое магистров, кроме того, кто избрал его первым [63, I, s. 68–74]. Позже (в 1384 г.) факультет скорректировал это решение в том смысле, что магистр не имел права читать одновременно более двух обычных курсов. Студент в свою очередь не должен был одновременно слушать более двух «книг» ординарима. На экстраординарные лекции постановление не распространялось [63, I, s. 109].

В связи с устоявшимся стереотипом о том, что лекции в средневековом университете представляли собой простое чтение той или иной книги под диктовку с минимальным комментарием, следует заметить, что этот способ преподавания был быстро оставлен. В XIV веке характерной чертой схоластического метода становится проблемное изложение в форме так называемой квестии. Квестия, одна из наиболее распространенных форм средневековой научной и учебной литературы, основывалась на четкой постановке проблемы таким способом, чтобы ответ на вопрос мог быть только однозначно положительным или отрицательным. Разработка квестии

содержит доводы в пользу решения, которое избирал автор, и одновременно опровержение противоположной точки зрения. Квестии могли представлять собой самостоятельные произведения или систематизироваться в виде обширных трудов. Форма квестии позволяла убедительно и достаточно кратко дать строгое и точное решение проблемы. Студенты были обязаны иметь список изучаемого труда, а диктовка на лекциях запрещалась статутами. Библиотеки были доступны главным образом для магистров: рукописи, изготавливаемые в специальных мастерских, были дороги, поэтому существовала особая вспомогательная форма занятий – пронунциации, где под контролем факультета осуществлялась диктовка книг для студентов [63, I, s. 40, 75, 82]. На лекции же давался обширный комментарий, в котором магистр стремился раскрыть глубинный смысл произведения и который должен был служить основой для самостоятельного изучения [71, s. 23–26].

Однако для освоения материала большее, чем лекции, значение имели упражнения (экзерциции), в ходе которых приобретались навыки ведения диспута, ответов на «софизмы» и квестии. Другими словами, на экзерцициях учебный материал прорабатывался в форме вопросов и ответов. Видимо, упражнения предлагались по всем предметам, хотя такие дисциплины, как грамматика, риторика, математика, геометрия, астрономия и музыка не указываются в статутах. Экзерциции велись бакалаврами или магистрами (для них это не было обязательным), по длительности они делились на полугодовые и квартальные. Упражнения проводились чаще лекций, и, как активная форма обучения, давали возможность слушателям достичь больших успехов. Без сомнения, посещение экзерциций было условием успешной сдачи экзамена, хотя это прямо и не предписывалось статутами [49, s. 31; 63, I, s. 81, 84, 86–88]. Наряду с ординарными экзерцициями проводились и частные упражнения (повторения, «репетиции»). Магистрам при этом предоставлялась полная свобода в плане места и времени, содержания и методики повторений. Устанавливалось единственное ограничение: согласно постановлению 1400 г. количество студентов на репетициях не могло превышать четырех человек [63, I, s. 112–113].

Уже сам характер упражнений показывает, что собственно ядром и смыслом педагогического процесса на факультете искусств были диспуты, что полностью соответствует характеру схоластической диалектики. Диспуты господствовали в жизни всего университета, активное участие в них было одним из условий допуска к экзаменам, которые также во многом имели форму открытого диспута. Это словесные турниры были кульминацией учебной, педагогической и научной деятельности студентов, бакалавров и магистров. Можно выделить их следующие основные виды: регулярные бакалаврские; послеобеденные диспуты бакалавров в праздничные дни;

диспуты «новых» магистров по вторникам и четвергам, в которых были обязаны участвовать и бакалавры; наконец, наиболее важные регулярные диспуты магистров по субботам. Во время магистерского диспута прекращались все лекции и упражнения, так как присутствие на нем было обязательным для всех членов факультета.

Предметом всех диспутов являлись два круга вопросов: с одной стороны, это квестии, о которых уже шла речь (тематика выбиралась из изучаемого материала), а с другой – «софизмы», то есть искусственно сконструированные тезисы, которые при помощи логических операций можно было как доказать, так и опровергнуть. В софизмах упражнялись, как правило, студенты вплоть до достижения бакалаврской степени, хотя ими не гнушались и магистры.

В диспуте принимали участие, по меньшей мере, две стороны: «диспутант» и «респондент», а зачастую и «оппоненты». Задача диспутанта состояла в том, чтобы, поставив проблему в форме квестии, указать на противоречия и противоположные точки зрения, т. е. создать видимость неразрешимой ситуации. Цель респондента – сначала точно определить и объяснить все понятия и аргументы квестии (детерминация, артикулы). Затем разворачивалось доказательство, в ходе которого респондент делал выводы в строго силлогистической форме (конклюдии). В результате возникал ряд тезисов с дополнениями (пропозиции и корреляции), против которых выдвигались возражения. Респондент или сам опровергал возражения, или с разрешения диспутанта давал возможность высказаться «оппонентам» из числа присутствующих магистров и бакалавров. Результатом дискуссии должно быть стать определенное решение [71, s. 25; 49, s. 33–35].

Особый интерес представляют и так называемые «кводлибеты» (*disputatio de quolibet* – «диспут о чем угодно») – ежегодные торжественные общеуниверситетские диспуты, проводимые в Праге на базе факультета искусств¹ и представлявшие собой высшую форму как научной, так и педагогической деятельности университета. В Пражском университете кводлибет начинался 3 января и продолжался несколько дней. За полгода до этого избирался руководитель диспута (кводлибетарий), который таким образом мог подготовиться к выполнению своей ответственной задачи.

Он должен был подготовить по одному вопросу для каждого из магистров (их участие в диспуте было обязательным) и за три дня до начала кводлибета сообщить их участникам. Дискуссия начиналась обсуждением вводной квестии, с которой выступал сам кводлибетарий. Все присутствующие

¹ В Праге кводлибеты утвердились в своей поздней форме заранее подготовленного зрелища. Классические кводлибеты эпохи высокой схоластики проводились на теологическом факультете. Кводлибетарий не имел представления ни о составе участников диспута, ни о том, какие вопросы ему будут предложены. Он обязан был полемизировать против кого угодно по проблемам из любой сферы тогдашнего знания [53, s. 24–26].

магистры поочередно, в соответствии с академическим стажем стремились опровергнуть тезисы и выводы руководителя диспута. На возражения отвечал не сам кводлибетарий, а кто-либо из специально назначенных бакалавров, который отстаивал основные положения квестии кводлибетария в широкой дискуссии против его оппонентов. Затем председательствующий магистр подводил итоги, приводя, в случае необходимости, дополнительные аргументы в пользу своей точки зрения. На этом первая часть кводлибета заканчивалась. На следующий день кводлибетарий предлагал каждому магистру вопрос, сформулированный, как правило, с учетом его специальных интересов (медики решали проблемы из области медицины, астрономы получали вопросы по астрономии или астрологии, правоведы дискутировали на юридические или политико-правовые темы и т. д.). После выступления магистра кводлибетарий должен был привести доводы, опровергающие изложенное мнение. В определенной степени руководитель диспута был подготовлен к этой дискуссии, поскольку сам формулировал вопросы. Однако, как правило, он не мог знать о том, какое решение квестии (положительное или отрицательное) изберет его оппонент. Положение кводлибетария осложнялось также тем, что он в любом случае был обязан оспорить предложенную точку зрения и, таким образом, часто попадал в ситуацию, которая вынуждала его выступать против мнения, в справедливости которого он был сам убежден¹. После того как все магистры заканчивали свои выступления, кводлибетарий в заключительной речи давал общую оценку диспуту, отмечая конкретный вклад каждого участника [63, I, s. 65–66, 101–102; 53, s. 26–41; 51].

Завершающим этапом на пути к главной цели – ученой степени – были экзамены². Бакалаврские испытания проходили четыре раза в год (во второй половине февраля, в начале июня, в середине сентября и в середине декабря [99, s. 472–476]). Предварительно комиссия экзаменаторов решала, удовлетворяет ли претендент необходимым требованиям, то есть прослушал ли он надлежащие лекционные курсы (нужно было представить свидетельство), выступал ли как минимум три раза на ординарных диспутах, заплатил ли предписанные таксы в сумме 26 грошей за лекции и экзерциции, 28 грошей за получение степени (20 гр. – факультету, 4 гр. – на перчатки своему магистру-куратору и 4 гр. – педелю). Кроме того, каждый студент обязан был представить отзыв из коллегии или бурсы о благонравном поведении [63, I, s. 46, 49, 58; 6].

¹ Исполнение функций кводлибетария требовало поистине виртуозных интеллектуальных и полемических способностей. Не случайно магистры при выборах кводлибетария охотнее соглашались заплатить большой штраф, нежели взять на себя столь тяжкую миссию.

² См. схему № 2.

Затем происходил собственно экзамен, после которого магистры, посоветовавшись, зачитывали список успешно сдавших в строгом соответствии с продемонстрированными знаниями. Отметим здесь характерную особенность учебного процесса в средневековом университете: посещение лекций и участие в диспутах имели такое же значение, как и результаты экзамена. Будущий бакалавр должен был принести соответствующую присягу на собрании факультета. Кроме того, за него ручался его куратор из числа магистров [63, I, s. 42].

Выполнение всех этих предписаний еще не делало студента бакалавром. Присвоение степени происходило только на символическом торжественном акте промоции (детерминации) в присутствии всех магистров факультета. Кандидат на степень садился еще в студенческом плаще среди своих коллег, а его промотор (своего рода «научный руководитель») предлагал ему ответить на один «софизм». Затем промовируемый облакался в бакалаврский плащ и занимал соответствующее место. Теперь он был обязан успешно решить одну квестию, предложенную промотором. Справившись с этой задачей, он приносил присягу в том, что два года будет вести занятия на факультете, дозволенные бакалаврам, не примет где-либо в другом университете степени бакалавра и всеми силами будет стараться приносить пользу Пражскому университету и артистическому факультету. После присяги промотор произносил похвальную речь о новом коллеге, завершая ее установленной формулой о присвоении степени. В случае необходимости выдавалось надлежащее письменное свидетельство [63, I, s. 42–56, 85, 108].

По сходному сценарию разворачивалась процедура присвоения магистерского титула. Основным условием было участие в диспутах (три выступления на ординарных и три – на экстраординарных) и слушание предписанных лекций. Поскольку речь шла о степени, утверждаемой церковью, то требовалось также подтверждение законнорожденности. Лишь после этого претендент допускался к экзамену. Комиссия экзаменаторов возглавлялась канцлером университета или, по его поручению, деканом. Выдержавшие испытания приносили присягу в том, что будут соблюдать все предписания, связанные с правом свободного преподавания («*licentia docendi*»), то есть заплатят факультету 38 гр. за присвоение степени (предварительная плата за лекции составляла 63 гр.), будут два года преподавать на факультете и участвовать в соответствующих диспутах. Затем кандидаты на магистерскую степень представлялись университетскому канцлеру для получения «лицензии», которая составляла сущность магистерского звания и давала право неограниченного (в отличие от бакалавров) преподавания. С этого момента «соискатель» назывался лицензиатом

искусств. Магистром же он становился только после промоции (инцепции), процедура которой была такой же, как и у бакалаврской детерминации [63, I, s. 56–60].

Бакалавры и магистры образовывали преподавательский состав факультета. Бакалавры имели лишь ограниченное право преподавания: им было запрещено читать курсы о «Метафизике» и «больших» книгах этики Аристотеля. В основном им поручались лекции по логике и математике, а также пронунциации (диктовки).

Свободное преподавание было привилегией магистров. Как упоминалось, каждый из них был обязан в течение двух лет после промоции преподавать на факультете. Однако главную роль в научно-педагогической деятельности играли те магистры, которые оставались работать и по истечении этого срока. Они назывались магистрами-регентами. Только они обладали правом заседать в совете факультета, избирались экзаменаторами, занимали административные должности. На рубеже XIV–XV веков на факультете искусств преподавали до 50 магистров ежегодно. Это количество примерно также же, как в Париже или Оксфорде [48].

Теперь мы имеем возможность рассмотреть организацию и содержание научно-педагогической деятельности на «высших факультетах», среди которых первое место принадлежало факультету теологии¹.

Студентами здесь были, как правило, люди зрелого возраста (устанавливался ценз: для бакалавра теологии – минимально 25 лет, для магистра – 30 лет). В абсолютном большинстве они уже имели степени по факультету искусств (хотя, вопреки распространенному мнению, это не ставилось в качестве обязательного условия), а зачастую являлись там и магистрами-регентами. Во многих случаях они были держателями крупных церковных бенефициев. Среди профессоров теологии велика была доля орденского духовенства. Количество студентов предположительно не превышало 15 % от общего числа слушателей университета. Зато по численности магистров-регентов теологический факультет Пражского университета относился к ведущим в Европе. К началу XV века он располагал 15 докторами и 15 бакалаврами против обычного для средневекового университета количества в 4–6 профессоров. Даже после издания Кутногорского декрета 1409 г.², приведшего к существенному оттоку магистров и студентов из числа немцев, в Праге оставалось 8 магистров теологии. По количеству

¹ Изучение внутренней жизни богословского факультета связано с большими трудностями, поскольку сохранилось очень мало источников. Мы располагаем лишь фрагментом статута и некоторыми текстами трудов членов факультета.

² Согласно ему, чешской университетской «нации» были предоставлены три голоса в управлении университетом, а за всеми тремя остальными, иностранным «нациями» сохранился только один голос [67].

профессоров пражский теологический факультет был третьим в Европе после Парижа и Оксфорда [50, s. 132; 47, s. 224–225].

Обучение на факультете делилось на два примерно одинаковых по времени этапа. Первый – это время учебы в собственном смысле слова до достижения низшей академической степени бакалавра теологии, продолжавшийся шесть лет. Затем следовал период, в течение которого можно было получить титул магистра богословия. В это время учеба соединялась с преподавательской деятельностью на факультете под руководством одного из магистров-регентов. Таким образом, весь процесс обучения длился приблизительно 12 лет, что уже само по себе существенно лимитировало социальный состав обучающихся и их количество [50, s. 131–132].

На первом этапе студент должен был, слушая лекции магистров и бакалавров, глубоко освоить Священное Писание и изучить главный «учебник» теологии – «Сентенции» Петра Ломбардского. Контроль за каждым студентом осуществлял один из магистров-регентов, который по истечении положенного времени рекомендовал его факультету и канцлеру для экзамена и промоции на звание бакалавра-курсора (*baccalarius cursor*). Степень присуждалась голосованием: необходимо было согласие двух третей членов факультета [50, s. 133].

Бакалавр-курсор, продолжая обучение, обязан был вести и преподавательскую деятельность. Он имел право читать лекции только по тем разделам Священного Писания, которые определялись руководством факультета. По своему содержанию лекции курсоров представляли собой изложение текстов и объяснение важных глосс с упором на морально-аллегорическое толкование отдельных слов и предложений читаемого текста. Для глубоких теологических рассуждений в данном случае возможностей было мало. Занятия велись под надзором избранного бакалавром магистра-регента, который, кроме прочего, следил за содержанием лекций с точки зрения «чистоты» церковной доктрины [50, s. 134–136].

После двухлетнего чтения лекций, двукратного участия в магистерских диспутах в качестве респондента и произнесения одной или двух проповедей на университетской мессе курсор мог просить факультет о промоции на звание бакалавра-сентенциария. Главным содержанием преподавательской деятельности на этом этапе являлось ежедневное чтение по «Сентенциям» Петра Ломбарда. За первый год сентенциарий должен был прочесть две книги, а за второй – третью и четвертую книги сентенций. Сентенциарий, который начинал излагать третью книгу, считался уже «утвержденным» (или «готовым») бакалавром теологии (*baccalarius formatus*). Собственно, о содержании лекций известно немного. Статуты предписывали необходимость вступительного слова. Остальное изложение шло в форме квестий,

посредством которых лектор дискутировал с другими сентенциариями – его «конкурентами». Для подготовки собственных лекций бакалавры-сентенциарии использовали комментарии прославленных магистров как Пражского, так и других университетов. Наряду с преподаванием, сентенциарий участвовал во всех университетских диспутах, являясь респондентом не менее одного раза в год, произносил проповеди на университетских торжественных богослужениях, посещал лекции профессоров. Его деятельность также контролировалась назначенным для этого регентом [50, s. 136].

Все ограничения и надзор снимались с достижением степени лиценциата теологии, который являлся уже членом факультета. Необходимыми условиями для этого являлись трехлетняя деятельность в качестве сентенциария и чтение полного курса «Сентенций», выступления на диспутах и по меньшей мере тридцатилетний возраст. Магистр-промотор рекомендовал своего подопечного собранию факультета, которое принимало решение представить его канцлеру для получения степени. Экзамен при этом считался излишним. Следовала торжественная, длительная и сложная процедура, в результате которой претендент получал наконец от архиепископа-канцлера (при согласии двух третей магистров) лицензию на право «диспутировать, читать и проповедовать и все другие акты совершать на теологическом факультете, которые магистрам подобает» [50, s. 139].

Если же лиценциат хотел стать магистром теологии, то должен был пройти еще через акт промоции, состоящей из двух больших диспутов и собственно торжественной церемонии. Надо сказать, что лишь немногие из лиценциатов решались на это. Причину следует искать в материальной сфере. По обычаям времени все университетские акты и особенно получение академических степеней были связаны с устройством званых обедов за счет «виновника торжества», стоимость которых увеличивалась в соответствии со значением ранга. Расходы при получении самой высокой степени – магистра теологии были особенно велики, поэтому многие удовлетворялись званием лиценциата, тем более что оно давало такие же права, как и магистерская степень [50, s. 141].

Новый магистр автоматически становился регентом, специализируясь по собственному выбору или на изучении Священного Писания (*professor sacrae paginae*), или на «Сентенциях» (*professor sentenciarius*). Лекции профессоров отличались от чтений бакалавров своей обстоятельностью и глубиной. Это были оригинальные обширные толкования избранных квестий, содержащие экскурсы, во многих случаях лишь отдаленно связанные с текстом Библии или сентенций. Известен случай, когда знаменитый теолог Генрих фон Лангенштейн излагал четыре книги «Исхода» на протяжении тринадцати лет! [50, s. 142].

К сожалению, в статутах сохранилось очень мало сведений о теологических диспутах. Можно предполагать, что наряду с упомянутыми докторскими диспутами, кроме регулярных диспутов магистров, которые проходили, вероятно, четыре раза в год, имели место многочисленные экстраординарные диспуты на актуальную тематику. Так же, как и на факультете искусств, они давали значительную свободу в выборе вопросов и выражении точек зрения. Под предлогом того, что речь идет лишь о дискуссионных положениях, было можно выдвигать не только неофициальные, но и, с точки зрения церкви, подозрительные мнения.

Третья обязанность магистра – произнесение проповедей во время университетских богослужений (около сотни в год, не считая экстраординарных). Университетские проповеди были обращены к рафинированной публике, главным образом к духовенству, а потому существенно отличались от проповедей для народа.

Важно подчеркнуть, что обучение на теологическом факультете не было обязательным условием для замещения церковных должностей. Вплоть до настоящего времени церковь не требует этого от священников, а в средневековье квалификационные требования к духовенству были минимальными. Ученые степени по теологическому факультету не давали гарантированного места в духовной администрации, хотя, конечно, открывали большие перспективы для получения высших церковных бенефициев. Впрочем, их можно было достичь и на основе бакалавриата или доктората прав, зачастую и с большим успехом.

Юридический факультет, как упоминалось, в 1372 г. преобразовался в самостоятельную университетскую корпорацию. Известно, что в следующем году были приняты статуты юридического университета, однако текст их не сохранился, поэтому судить о внутренних распорядках и организации учебного процесса здесь приходится в основном по косвенным данным.

Пражский юридический университет ориентировался на обычаи и правила Болонской высшей школы, в то время ведущего центра по изучению права. Однако болонские порядки никогда не были переняты полностью. Особенно это проявилось в научно-педагогической деятельности. В итальянских университетах особое внимание обращалось на гражданское (римское) право наряду с правом каноническим. Пражский юридический университет, равно как и юридические факультеты других центрально-европейских академий, принципиально ориентировался лишь на каноническое право. В источниках имеется определение пражского юридического университета как *universitas canonistarum*. Такая ситуация была обусловлена отсутствием в Чехии XIV в. практических возможностей для реализации легистами своих знаний гражданского права, тогда как квалифицированные

канонисты находили себе применение как на церковной службе, так и в светских канцеляриях [36, s. 21; 63, II, S. 25; 55, s. 47–67].

При этом нельзя упускать из виду, что изучение канонического права, особенно римско-канонического процесса, предполагало и хорошее знание источников по римскому праву. Известно, что некоторые профессора юридического университета имели титул доктора «обоих прав». Видимо, они, пусть эпизодически, читали лекции и по римскому праву [102, s. 63–66; 55].

Пражский юридический университет не был тем местом, где процветала высокая правоведческая теория. Среди его докторов не было выдающихся личностей, которые обогатили бы своими трудами средневековую юридическую литературу и повлияли бы на развитие абстрактного правового мышления. Связь с юридической практикой и ориентация обучения скорее на официальную карьеру, нежели на академическое поприще, снижали, естественно, интерес к научно-литературной деятельности. Вместе с тем это была достаточно крупная корпорация, научно-педагогическая деятельность здесь характеризовалась чертами, типичными для Европы XIV–XV веков. Каноническое право преподавали, как правило, два профессора, один – «Декрет Грациана», другой – так называемые «Декреталии», т. е. собственно декреталии папы Григория IX, «шестую книгу», «Климентины». Причем наиболее известный источник канонического права – «Декрет Грациана» – постепенно оттеснялся на задний план. Ученые степени были такими же, как и на других факультетах. Через четыре года учебы слушатель мог стать бакалавром и получал некоторые права на преподавание. Еще через три года, выдержав соответствующий экзамен, он получал степень лиценциата, а пройдя торжественную и весьма дорогостоящую промоцию, становился доктором прав. У юристов была, однако, и своя специфика: разница между бакалаврской и докторской степенью была довольно искусственной, так как экзаменационные требования принципиально не различались [105, s. 63–66; 53].

Не сохранилось никаких официальных документов о самом малочисленном медицинском факультете. Тем не менее К. Беранеку и Ф. Шмагелу на основе широкого сравнительного анализа расписаний на соответствующих факультетах других европейских университетов и с учетом пражских рукописей по медицине XIV–XV вв. удалось воссоздать достаточно убедительную, хотя во многом и гипотетическую картину жизни медицинского факультета в Праге [33; 91].

Студентами медицины являлись, как правило, магистры или бакалавры, изредка студенты артистического факультета. Монахам обучение здесь было запрещено. Как и на других факультетах, первой медицинской степенью был бакалавреат. Минимальные сроки обучения различались для магистров

и бакалавров свободных искусств и колебались в пределах соответственно от трех и четырех лет (Париж) до двух и трех лет (Вена). И те и другие должны были изучить труды Альмансора, Авиценны, Галена, трактаты о пульсе и моче, в том числе и принадлежащие перу пражских магистров-медиков. По-видимому, претендент на бакалаврскую степень обязан был два года практиковать под наблюдением одного из магистров, который затем выступал и в качестве экзаменатора.

Экзамен состоял из двух частей. Первоначально будущий бакалавр трижды отвечал на публичном диспуте в присутствии докторов, бакалавров и студентов факультета. Затем он получал для разработки афоризм Гиппократов или канон из «*Isagoge Johantii*», «*Tegni Galiegni*» с комментарием Али, «Афоризмы» Гиппократов с комментарием Галена, трактаты Теофила о моче и Филарета о пульсе, Гиппократова «Прогностика» с комментарием Галена, стихи Эгидия о пульсе и моче с комментарием и некоторые другие. В его обязанности входила также врачебная практика в Праге или ее окрестностях под руководством одного из докторов факультета. В провинции бакалавр мог практиковать самостоятельно.

Кроме того, будущий лицензиат продолжал обучение еще пять или шесть лет (в зависимости от того, являлся ли он магистром свободных искусств или нет). Он был обязан прослушать все книги Гиппократов, Галена, Авиценны, посещая лекции по меньшей мере двух магистров. Экзамен строился по уже известному сценарию. После публичного диспута претендент должен был получить единогласное одобрение магистров. Затем факультет в письменной форме предоставлял его канцлеру университета, который, в свою очередь, назначал вице-канцлера (ректора или декана) для руководства испытаниями. Кандидат на лицензиатское звание экзаменовался после предварительной подготовки всеми докторами факультета по одному из афоризмов Гиппократов и канону Галена. Решение о результатах экзамена выносилось большинством голосов. Надо сказать, что получение лицензии было связано со значительными расходами. Лицензиат вносил соответствующие таксы в факультетскую казну, делал денежные подношения всем докторам и приобретал для них одежду.

Степень доктора (магистра) медицины достигалась актом промоции, связанной с вводной лекцией. Доктора являлись полноправными членами факультета. Те из них, кто постоянно преподавал (магистры-регенты, профессора), распределяли между собой лекционные курсы, читавшиеся, как было показано, в соответствии с медицинскими авторитетами античного, арабского и иудейского мира. Лекции делились на ординарные и экстраординарные. «Ординариум» всегда читался в первой половине дня, послеобеденное же время отводилось в основном на диспуты.

С преподаванием было тесно связано и научное творчество пражских медиков, среди которых встречаются ученые европейского масштаба (Альбик из Уничова, Ян Шиндель, Кржиштян из Прахатиц). Примечательно, что Шиндель и Кржиштян являлись одновременно и крупными астрономами. Знание астрономии, а в определенной степени и астрологии, было необходимым элементом средневекового врачебного искусства. Распространенный тогда афоризм о том, что тот не лекарь, кто не знает астрономии, приписывался самому Гиппократу. Наряду с латинскими трактатами появляются и их популярные версии на чешском языке.

Доктора пражского медицинского факультета занимались также и врачебной практикой. Они были личными лекарями короля и королевы, церковных иерархов и светских аристократов, а также имели пациентов в среде пражских горожан.

Для обеспечения нормального хода учебного процесса были необходимы минимально две ординарные профессуры. Известно, что в отдельные годы на факультете преподавали от четырех до восьми магистров (по приблизительным подсчетам, здесь одновременно обучались от 20 до 30 студентов-медиков). По этим параметрам пражский медицинский факультет не мог, конечно, соперничать с крупными университетами Италии, но в центрально-европейском регионе был, очевидно, одним из самых значительных.

Таковы основные черты научно-педагогического процесса в пражской высшей школе ко времени начала гуситской революции, которая внесла в жизнь университета кардинальные изменения. К 1419 году приходят в упадок «старшие» факультеты [39, s. 158–159, 180–181, 183]. Артистический факультет лишается самой многочисленной своей части – студенчества, так как педагогическая деятельность здесь постепенно затухает. Учебные занятия окончательно прекратились, видимо, в апреле 1420 г., когда началась практическая подготовка к отражению крестового похода¹. Об этом свидетельствует запись в деканской книге от 6 апреля, сделанная тогдашним деканом факультета Петром из Сепекова: «В 1420 году, около дня св. Георгия, началась война, возникли многочисленные мятежи и разрушения, вследствие чего учебные акты были прекращены». В апреле 1421 года магистр Мартин Куншув из Праги написал в деканской книге: «Из-за разрушений великих и разнообразных, продолжавшихся все это время, все университетские акты были прерваны». На невозможность проведения занятий жалуются деканы в 1424, 1426, 1429 годах [63, II, s. 4–6]. Уже в мае 1419 года факультет не мог организовать регулярных бакалаврских экзаменов, «поскольку никто не явился». Осенний экзамен этого года также был отменен

¹ Против гуситской Чехии.

[63, I, s. 431–432]¹. С февраля 1420 года, когда экзамен сдавали всего два человека, испытания и промоции прекращаются на десять лет [63, II, s. 2, 6].

Еще до начала революционных событий в университете перестали проводить кводлибеты. Последние выборы кводлибетария состоялись в 1419 г., но диспут так и не состоялся [53, s. 104; 63, I, s. 451–452].

В ходе революции, особенно в период гуситских войн, продолжавшихся до середины 30-х гг. XV в., существенный ущерб был нанесен материальной базе университета. Сохранившиеся фрагментарные сведения в источниках не позволяют составить полного представления об этом. Тем не менее известно, что в начале 1422 г., во время волнений, связанных с гибелью вожда пражских гуситских радикалов Яна Желивского, были разгромлены университетские коллегии и библиотеки [83, s. 23–33]. В последующие годы были захвачены земельные владения коллегий. То, что не забрали города или паны, отдал в залог своим сторонникам король Сигизмунд Люксембургский. Сильнее всего пострадали коллегия юристов, здание и имущество которой навсегда были отчуждены от университета, а также коллегия Всех святых, потерявшая все, кроме одной деревни и виноградника [95, s. 192–198; 84, s. 89–91].

Оставшиеся в Праге магистры проявляют себя преимущественно в общественной деятельности, выступая в качестве идеологов и политиков пражского лагеря гуситов [20]. Но при этом заметно их стремление сохранить университет как корпорацию. В 1419 году в полном составе избиралась факультетская администрация. Следующие выборы состоялись только в апреле 1421 г., когда была замещена лишь должность декана. Деканы избирались также в 1423, 1424, 1426 и 1429 гг. [63, I, s. 451–452; II, s. 1–13]. Книга деканов дает сведения и о стараниях университетских магистров возобновить учебный процесс. Есть одно прямое указание на это (май 1423 г.), а также ряд косвенных данных, когда деканы пишут о прекращении учебных занятий, но не полностью, а только «по большей части» [63, II, S. 6, 41]. Однако говорить об оживлении регулярной педагогической деятельности на факультете искусств можно лишь начиная с весны 1430 г., когда вновь после долгого перерыва были проведены магистерские экзамены и более стабильными стали испытания бакалавров [63, II, s. 7–8; 98, s. 12].

Последующее развитие Карлова университета на завершающем этапе гуситской революции, в Подебрадскую эпоху (до 1471 г.) и при первом короле Ягеллонской династии Владиславе II (1471–1516 гг.) было противоречивым и неоднозначным, но по основополагающим параметрам может рассматриваться как единое целое. В это время высшая школа в Праге отличалась от предгуситского университета по двум главным аспектам.

¹ Проведение магистерских экзаменов было запрещено пражским архиепископом в 1417 г. [63, I, s. 451–542].

Прежде всего тем, что сохранился только один факультет – артистический, на котором и осуществлялся весь учебный процесс. Во-вторых, в отличие от прежней ученой корпорации международного характера Пражский университет теперь представлял собой моноэтническое (чешское) и моноконфессиональное (утраквистское, т. е. умеренно гуситское) учебное заведение [39, s. 205–217]. В этих условиях университетские «нации» утратили свою прежнюю роль. Казалось бы, что и должность ректора в однофакультетном университете должна была иметь лишь формальное значение. Но в действительности этого не произошло. Ректор и теперь представлял университет во внешних отношениях и председательствовал на ректорском суде. Более того, в это время повысилось значение вице-канцлерской функции ректора, поскольку архиепископская кафедра оставалась вакантной на протяжении долгого периода. Тем самым ректор получил возможность частично контролировать учебный процесс на артистическом факультете. С 1426 года ректор избирался на два семестра, так же, как и декан. Очень важную сторону деятельности ректора составляло руководство партикулярными городскими школами, куда он назначал учителей и осуществлял юрисдикцию над ними [39, s. 219–226; 100, s. 163–200]. Права и обязанности декана практически не изменились. Если ранее в совет факультета входили все магистры-регенты, то теперь его членами являлись только магистры, избранные коллекторами и диспензаторами [99, s. 289–319].

Самостоятельными корпорациями в рамках университета продолжали оставаться коллегии. В 1438 и 1451 годах на частные пожертвования были основаны две новые студенческие коллегии – Речкова и Лоудова, названные по именам своих основателей (Яна Речека и Матиаша Лоуды из Хлумчан), которые завершили формирование системы университетских коллегий [79; 84; 81]. С течением времени вследствие падения реальной доходности фондов и из-за малого количества профессоров магистерские коллегии опустели, а все магистры переселились в Каролинум. При этом остальные коллегии считались самостоятельными единицами со своим имуществом, которое управлялось пробстом, избираемым, правда, из числа коллегиятов Каролинума. Большинство студенческих коллегий стало составными частями сохранившегося института «Чешской нации» [99, s. 42–121].

В этой связи необходимо сказать несколько слов о материальной базе университета, которую составляло имущество коллегий. Структура университетского хозяйства по сравнению с предгуситским периодом не претерпела существенных изменений. Свою константу она имела в земельных владениях, с которых поступали регулярные платежи. Именно здесь кроется причина постоянно ухудшающегося финансового состояния университета, ибо то, что являлось преимуществом до гуситской революции (фиксированный

регулярный доход с земельной собственности), стало невыгодным в XV и XVI столетиях в условиях непрерывного обесценивания монеты. Кроме того, коллегиаты утратили существенную часть прежних доходов, поступавших с церковных пребенд [83].

Приходится констатировать тот несомненный факт, что университет за счет собственных средств не был в состоянии подняться на надлежащий уровень, расширить количество кафедр и открыть вновь высшие факультеты. Нужна была существенная помощь извне, что оказалось неразрешимой проблемой как во второй половине XV века, так и в следующем столетии. Общественная жизнь Чехии в это время определялась борьбой конфессионально-политических группировок и противостоянием королевской власти и сословий. Университет был оплотом чешского умеренного гусизма (утраквизма) и потому не мог рассчитывать на поддержку государя-католика. Однако и утраквистские сословия (дворянство и города) долгое время поддерживали университет лишь благими пожеланиями [71, s. 37, 54; 15, s. 25].

Учебный процесс на факультете свободных искусств сохранял свое традиционное содержание. Аристотелевской философии принадлежало более половины часов в семестре, что оставляло лишь небольшие возможности для обучения другим предметам, связанным с гуманистическими интересами.

По-прежнему профессора артистического факультета считались компетентными во всех преподаваемых дисциплинах. Многие читали лекции по математике, астрономии, естественно-научные курсы, а наряду с этим преподавали классическую филологию, историю, разрабатывали и издавали популярные календари, на которые университет имел монополию, составляли гороскопы на заказ и тому подобное [99, s. 320–385]. Как и в предшествующий период, главной целью обучения оставалось достижение ученой степени (экзамены осуществлялись по традиционному сценарию). Однако в отличие от предгуситских порядков бакалаврской степени можно было добиться за один семестр. После этого бакалавр возвращался в городскую школу, где он уже работал до получения степени или искал себе более выгодное занятие (например, в городской канцелярии). Часть из них, как правило, через несколько лет вновь появлялась в университете, чтобы сдать магистерский экзамен

Таким образом, мы видим, что и в конце XV в. Пражский университет сохранил свои средневековые основы, в том числе и в научно-педагогической деятельности при определенной инфильтрации гуманистических веяний¹. При этом произошло существенное снижение как объема и качества учебного процесса (отсутствие высших факультетов), так и уровня подготовки

¹ Сложная проблема университетского гуманизма не может быть рассмотрена в рамках данной статьи, поэтому считаю возможным в этом случае ограничиться ссылками на литературу [60–62; 70; 88; 98].

студентов. Во многом это связано с общим кризисом университетской системы в Европе. Но были и специфические причины: отсутствие финансовой поддержки со стороны государства и сословной оппозиции, а также конфессиональная замкнутость, препятствовавшая проникновению в Прагу передовых идей из ведущих культурных центров Европы¹.

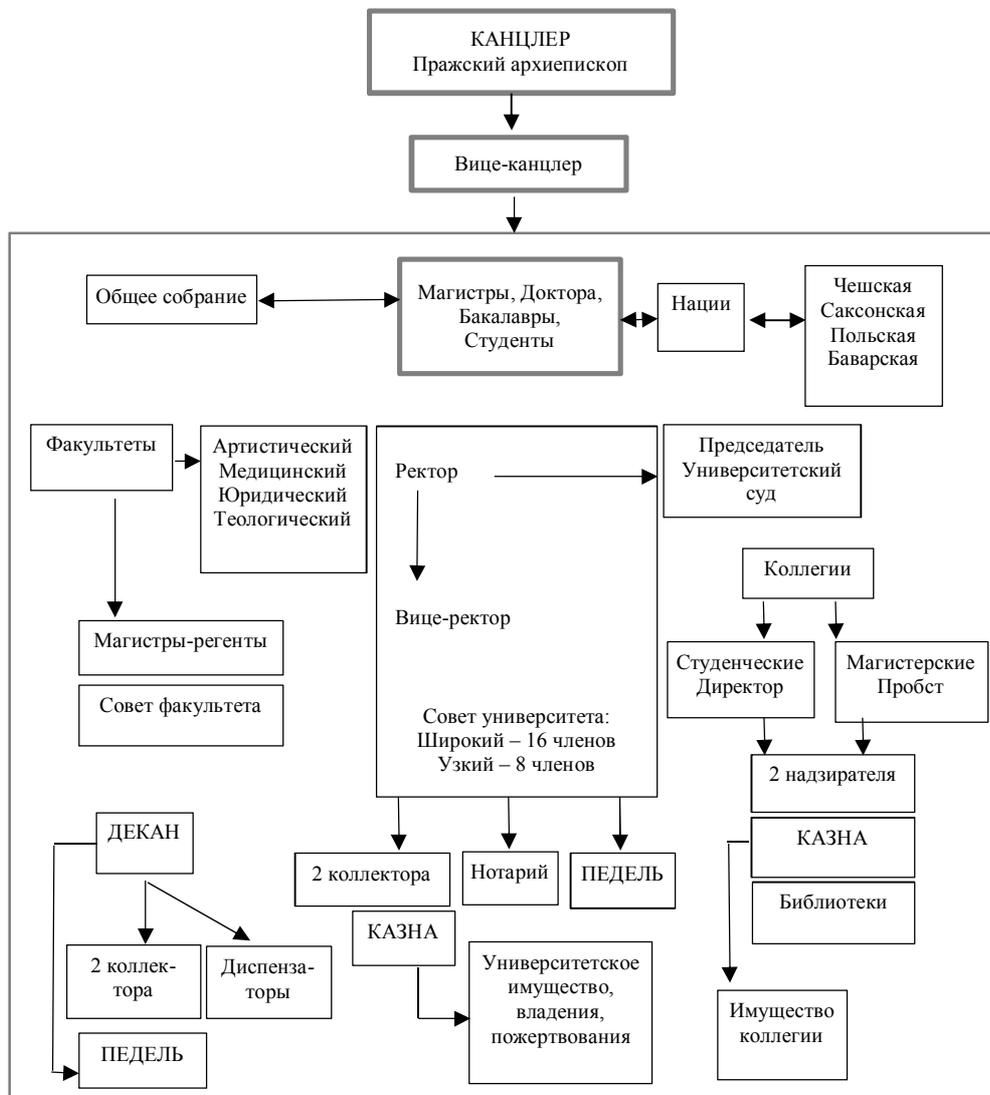

Схема 1. Организационная структура Пражского университета в конце XIV века

¹ Серьезная попытка реформировать университет и поднять его на уровень требований времени была предпринята только в начале XVII века, однако эта проблематика требует отдельного рассмотрения.

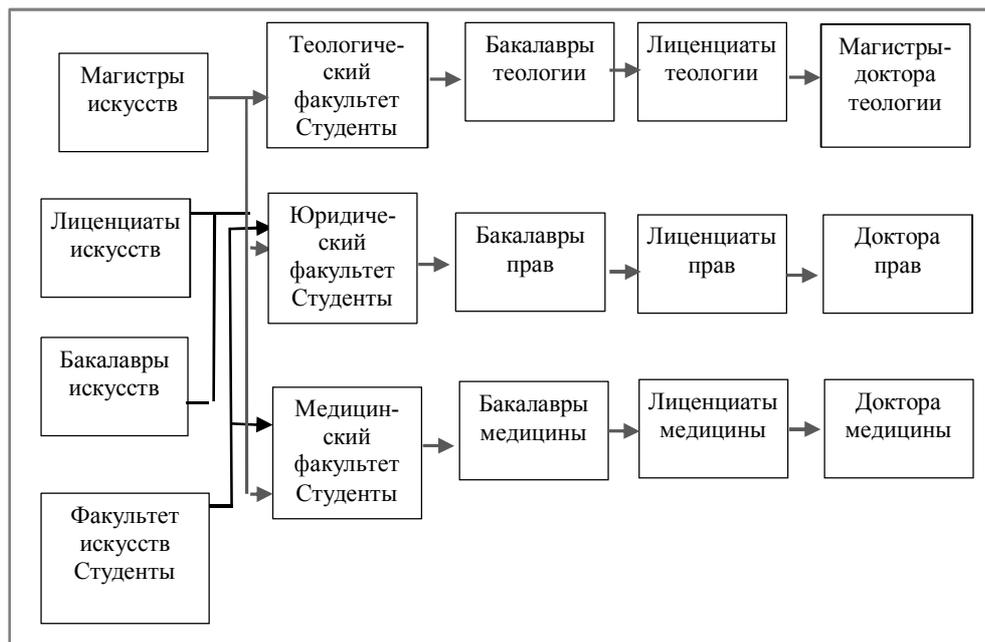

Схема 2. Организация учетного процесса в средневековом Пражском университете

Список литературы

1. Бекштрем А. Г. Медицинский факультет в Монпелье до середины XIV в. // ММНП, 1908–1909.
2. Гайденок В. П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в средние века. М., 1989.
3. Игнатович В. В. Болонский университет в средние века. СПб., 1846.
4. Игнатович В. В. История английских университетов. СПб., 1861.
5. Игнатович В. В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. СПб., 1864.
6. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. СПб, 2003.
7. Липатникова Г. И. К вопросу о социальном составе студентов Пражского университета в конце XIV – начале XV в. // УЗИС. Т. XV. 1957. С. 315–327.
8. Липатникова Г. И. К истории основания Пражского университета // Славянский сборник. Вып. I. Воронеж, 1958. С. 99–109.
9. Липатникова Г. И. К истории факультета «свободных искусств» Пражского университета по статутам XIV–XV вв. // Советское славяноведение. Минск, 1969, С. 53–63.
10. Липатникова Г. И. Статуты факультета искусств Пражского университета // Вопросы истории славян. Воронеж, 1970.
11. Липатникова Г. И. Эталоны поведения студентов Карлова университета // Известия Воронежского педагогического института. Т. 229. Воронеж, 1984. С. 85–103.
12. Липатникова Г. И. К проблеме феодальной интеллигенции // Вопросы истории славян. Воронеж, 1985. С. 3–15.
13. Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. I. М., 1988.

14. Паульсен Ф. Германские университеты. СПб, 1904.
15. Петрань Й. Каролиnum / пер. с чеш. А. В. Рандина. Прага, 1988.
16. Рабинович В. Л. Ученый человек в средневековой культуре // Наука и культура. М., 1984.
17. Рабинович В. Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991.
18. Рандин А. В. Русская дореволюционная историография об истории Пражского университета 1348–1434 гг. // Вестник Московского университета. Сер. История. 1986. № 1. С. 71–81.
19. Рандин А. В. Идеиная борьба в Пражском университете во второй половине XIV в. М., 1986. С. 104–122.
20. Рандин А. В. Расстановка сил в гуситском движении и магистры Пражского университета // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 3–43, 174–185.
21. Рандин А. В. Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994.
22. Рандин А. В. Университеты // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 466–467.
23. Сидорова Н. А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии // Средние века. 1963. Вып. 23. С. 229–237.
24. Струков Б. Г. Университеты Германии как центры образования и культуры в средние века // XIV – первая половина XV в.: автореф. ... дис. канд. наук. М., 1980.
25. Струков Б. Г. Средневековое немецкое студенчество в процессе обучения в первых немецких университетах конца XIV – первой половины XV в. / Рук. деп. в ИНИОН АН СССР, № 4856, 1980.
26. Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 1898.
27. Уваров П. Ю. Университет в средневековом городе // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981.
28. Уваров П. Ю. История средневековых университетов во франко-бельгийской историографии начала 1980-х гг.: обзор // Средние века. Вып. 51. М., 1988. С. 55–71.
29. Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе. М., 2000.
30. Antika a Česká kultura. Praha, 1978.
31. Bartoš F. M. Collegium pauperum na Karlově universitě // VČAVU, 1944, 53. S. 81–83.
32. Becka J., Urbanková E. Katalogy kolejí Karlovy university. Praha, 1948.
33. Beránek K. O počátcích pražské lakařské fakulty 1348–1622 // Acta Universitatis Carolinae Pragensis (HUCP), 1968, t. IX-2. S. 44–87.
34. Beránek K. Příspěvek k nejstarším dějinám pražských universitních kolejí // HUCP, 1983, t. XXIII-I. S. 57–63.
35. Beránek K. Bakaláři a mistři filozofické fakulty Univerzity Karlovy v letech 1586–1620. Praha, 1989.
36. Boháček M. Založení a nejstarší organizace pražské university // HUCP, 1965, t. VI-1. S. 5–31.
37. Boháček M. Pražská universitní statuta a jejího boloňský vzor // Studie o rukopisech, 8, 1969. S. 11–64.
38. Classen P. Studium und Gesellschaft im Mittelalter. Stuttgart, 1983.
39. Dějiny Univerzity Karlovy. D. I. 1347/48–1622. Praha, 1995.
40. Gregorovičová E. Knihovna mistra Stanislava z Velvar // HUCP, 1978, t. XVIII-1. S. 107–127.
41. Haasová-Jelinková M. Správa a kancelář pražské university v první době jejího trvání. Praha, 1948.
42. Hlavaček I. Studie k dějinám knihoven v českém state v době předhusitské // HUCP, 1965, t. VI-2. S. 5–52.

43. Hlavaček I. Z knižní kultury doby Karla IV a Václava IV v českých zemích // HUCP, 1978, t. XVIII-1. S. 7–60.
44. Chaloupecký V. Karlova universita v Praze. Její založení, vývoj a raz v XIV století. Praha, 1948.
45. Chronicon Universitatis Pragensis. // Fontes rerum bohemicarum. T. V. Praha, 1893.
46. Kadlec J. Řeholní generální studia při Karlově universitě v době předhusitské // HUCP, 1966, t. VII-2. S. 63–68.
47. Kadlec J. Das Hussitentum und die Prager Theologieprofessoran. // Renovatio et reformatio. Wider das Bild vom «finsternen» Mittelalter. Festschrift für Ludwig Hodl zum 60. Geburtstag. Münster, 1984. S. 224–234.
48. Kavka F. Mistři-regenti na artistické fakultě pražské university v letech 1367–1420 // Z českých dějin. Praha, 1966. S. 77–96.
49. Kavka F. Organizace studia na pražské artistické fakultě v době předhusitské // HUCP, 1967, t. VIII-1. S. 7–39.
50. Kavka F. Zur Frage der Statuten und der Studienordnung der Prager theologischen Fakultät in der vorhussitischen Zeit // Folia diplomatica. Brno, 1971. S. 129–144.
51. Kejř J. Struktura a průběh disputace de quolibet na pražské universitě // HUCP, 1960. T. I. S. 17–54.
52. Kejř J. Stát, církev a společnost v disputacích na pražské universitě. Praha, 1964.
53. Kejř J. Kvodlibetní disputace na pražské universitě. Praha, 1971.
54. Kejř J. Příspěvky k dějinám pražské právnické university // HUCP, 1990, t. XXX-2. S. 9–24.
55. Kejř J. Dějiny Pražské právnické univerzity. Praha, 1995.
56. Knihtisk a Universita Karlova. Praha, 1972.
57. Kubiček A., Petraňová A., Petraň J. Karolinum a historické koleje University Karlovy v Praze. Praha, 1961.
58. Kubová M., University založené Karlem IV // HUCP, 1971, t. XI-1. S. 7–31.
59. Kultura středověku. Praha, 1972.
60. Martinek J. Příspěvek k poznání vlivu university na rozvoj humanistické literární činnosti v českých zemích // HUCP, 1969, X-2. S. 7–16.
61. Martinek J. Vztahy předních latinsky píšících humanistů v Čechách k pražské universitě // HUCP, 1974, t. XIV-1. S. 7–18.
62. Martinek J. Úkoly v oblasti dějin českého humanistického školství // HUCP, 1985, t. XXV-2. S. 35–46.
63. Monumenta Historica Universitatis Carolo-Ferdinandese Pragensi, T. I-III. Praha, 1830–1834.
64. Moraw P. Die Universität Prag im Mittelalter. Grunzüge ihrer Geschichte im europäjschen Zusammenhang // Die Universität zu Prag. München, 1986. S. 9–134.
65. Novy L. a koll. Dějiny exaktních věd v českých zemích do konce 19. století. Praha, 1961.
66. Novy R. Koleje mistrů pražské university do r. 1409 // Acta universitatis Carolinae – Philosophica et Historica. II. Praha, 1959. S. 83–90.
67. Nodl M. Dekret kutnohorský. Praha, 2010.
68. Nodl M. Praga mater arcium. Translacio studii a pražská univerzita // Colloquia mediaevalia Pragensia. 18. Středověká univerzitní vzdělanost. Praha, 2017. S. 119–133.
69. Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. Leipzig, 1919.
70. Pešek J. Některé otázky dějin university pražské jagellonského období // HUCP, 1978, t. XVIII-1. S. 129–171.
71. Petraň J. Nástin dějin filozofické fakulty University Karlovy v Praze (do roku 1948). Praha, 1983.
72. Seibt F. Von Prag bis Rostok // Zur Gründung der Universitäten im Mittelalter. Festschrift für Walter Schlesinger. I. Köln; Wien, 1973. S. 405–426.

73. Spunar P. Kultura českého středověku. Praha, 1985.
74. Statuta Collegii Caroli // Tříška J. Starší pražská universitní literatura. Praha, 1978.
75. Stručné dějiny University Karlovy. Praha, 1964.
76. Schulen und Studium im Sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters. Sigmaringen, 1986.
77. Stočes J. Pražské univerzitní národy do roku 1409. Praha, 2010.
78. Svatoš M. Jan Reček a jeho písemná pozůstalost v archivu pražské university // HUCP, t. 1974, t. XIV-1. S. 121–160.
79. Svatoš M. Listiny k počátkům koleje Matiaše Loudy z Chlumčan // HUCP, 1977, 1977, t. XVII-1. S. 71–96.
80. Svatoš M. Hospodářské zázemí pražské university v době Karla IV // HUCP, 1978, t. XVIII-2. S. 7–36.
81. Svatoš M. Husitští mecenáši pražské university // Husitský Tábor, 1979, 2. S. 47–54.
82. Svatoš M. Litevská kolej pražské university 1397–1622 // Praha – Vilnius. Praha, 1981. S. 19–32.
83. Svatoš M. Hospodářství Karlovy koleje (srovnání předhusitského a předbělohorského stavu) // HUCP, 1986, t. XXVI-2. S. 23–33.
84. Svatoš M. Pražská universitní kolej Všech svátých // HUCP, 1991, t. XXXI-1. S. 85–93.
85. Schumann S. „Nationes“ an der Universitäten Prag, Leipzig und Wien. B., 1974.
86. Šmahel F. Počátky humanismu na pražské universitě v době poděbradské // HUCP, 1960, t. 1. S. 55–90.
87. Šmahel F. Knižní katalogy koleje Národa českého a koleje Rečkovy // HUCP, 1961, t. II-1. S. 59–85.
88. Šmahel F. Humanismus v době Poděbradské. Praha, 1963.
89. Šmahel F. Truc M. Studie k dějinám University Karlovy v letech 1433–1622 // HUCP, 1963, t. IV-2. S. 3–60.
90. Šmahel F. Pražské universitní studentstvo v předrevolučním období 1399–1419. Praha, 1967.
91. Šmahel F. Mistři a studenti pražské lékařské fakulty do roku 1419 // HUCP, 1980, t. XX-2. S. 35–68.
92. Šmahel F. Husitská revoluce. D. 1–4. Praha, 1993.
93. Šmahel F. Alma mater pragensia. Studie k počátkům Univerzity Karlovy. Praha, 2016.
94. Tomek W. W. Děje university pražské. Praha, 1849.
95. Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. IX. Praha, 1893.
96. Tříška J. Literární činnost předhusitské university. Praha, 1967.
97. Váneček V. Kapitoly o právních dějinách Karlovy university. Praha, 1946.
98. Winter Z. Děje vysokých škol pražských od secesi cizích národů po dobu bitvy bělohorské (1409–1622). Praha, 1899.
99. Winter Z. O živote na vysokých školách pražských knihy dvoje. Kulturní obraz XV a XVI století. Praha, 1899.
100. Winter Z. Život a učení na partikulárních školách v Čechách v XV a XVI století. Praha, 1901.
101. Zavodzinská C. Kolegium królowej Jadwigi przy Uniwersytetcie Karola w Pradze i jego pierwszy statut // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Práce Historyczne. Krakow, 1962. S. 19–38.
102. Zelený K., Kadlec J. Učitele právnické fakulty a právnické university pražské v době předhusitské // HUCP, 1978, t. XVIII-1. S. 61–106.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018 г.; принята к публикации 20.08.2018 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Об авторе**Рандин Александр Валентинович**кандидат исторических наук, доцент, Трнавский педагогический университет им. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словацкая Республика, alexrandin@gmail.ru

Organization and content of scientific and pedagogical process at Prague University (XIV–XV)*A. V. Randin*

organization and content of scientific and educational activities on the example of Prague University, the first in Central Europe, which had a significant impact on the formation of the university system in this region. The main criteria that define the essence of a medieval university are noted: the public law functions of an international and autonomous corporation (*universitas*) and the right to award academic degrees (*studium generale*). As a corporation, the University of Prague was divided into four “nations” formed on a territorial and ethnic basis and carried out its functions as a “general school” through four faculties. The material base of the University was a network of so-called colleges. The author analyzes the complex hierarchical system of relations between these largely autonomous sub-corporations, which was finally formed by the beginning of the 15th century and allowed the Prague Higher School to successfully carry out the scientific and pedagogical process at the level of leading universities in Europe. The article discusses in detail the main forms of the educational process, the nomenclature, the content and the ratio of subjects taught, the procedure for awarding academic degrees in all faculties. It is emphasized that the core and meaning of scientific and pedagogical activity was well thought out and built within the framework of scholastic method system of debates of different levels. The material of the article allows us to think about the problem of relations between the University and society in terms of how social destabilization affects the situation of higher education. The author shows that the impending Hussite revolution, on the one hand, raised the prestige of the University as an ideological bastion of the Czech reformation, and, on the other hand, led it to a long decline as a pedagogical and scientific center.

Keywords: medieval universities, Prague University, chancellor, university nations, faculties, collegiums, rector's jurisdiction, lectures, exertions, dispute, *quodlibet*, bachelor, university studies.

Citation for an article: *Randin A. V. Organization and content of scientific and pedagogical process at Prague University (XIV–XV). West – East. 2018, no. 11, pp. 13–48. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-13-48*

References

1. Bekshtram A. G. Meditsinskii fakul'tet v Monpel'e do serediny XIV v. [Faculty of medicine in Montpellier until the mid XIV century]. *MMNP*, 1908–1909. (In Russ.).
2. Gaidenko V. P., Smirnov G. A. Zapadnoevropeiskaya nauka v srednie veka [Western European science in the middle ages]. Moscow, 1989. (In Russ.).
3. Ignatovich V. V. Bolonskii universitet v srednie veka [University of Bologna in the middle ages]. Saint Petersburg, 1846. (In Russ.).
4. Ignatovich V. V. Istoriya angliiskikh universitetov [History of English universities]. Saint Petersburg, 1861. (In Russ.).
5. Ignatovich V. V. Nemetskie universitety v razvitii ikh istoricheskoi i sovremennoi zhizni [German universities in the development of their historical and modern life]. Saint Petersburg, 1864. (In Russ.).
6. Le Goff. Zh. Intellektualy v srednie veka [Intellectuals in the middle ages]. Saint Petersburg, 2003. (In Russ.).
7. Lipatnikova G. I. K voprosu o sotsial'nom sostave studentov Prazhskogo universiteta v kontse XIV – nachale XV v. [On the social composition of students at Prague University in the late XIV–early XV]. *UZIS*, vol. XV, 1957, pp. 315–327. (In Russ.).
8. Lipatnikova G. I. K istorii osnovaniya Prazhskogo universiteta [To the history of the founding of Prague University]. *Slavyanskii sbornik* = Slavic collection, issue. I, Voronezh, 1958, pp. 99–109. (In Russ.).
9. Lipatnikova G. I. K istorii fakul'teta «svobodnykh iskusstv» Prazhskogo universiteta po statutam XIV–XV vv. [On the history of the faculty of "liberal arts" of the University of Prague on the statutes of the XIV–XV centuries]. *Sovetskoe slavyanovedenie* = Soviet Slavic studies, Minsk, 1969, pp. 53–63. (In Russ.).
10. Lipatnikova G. I. Statuty fakul'teta iskusstv Prazhskogo universiteta [Statutes of the Faculty of Arts at Prague University]. *Voprosy istorii slavyan* = Questions of the Slavs History, Voronezh, 1970. (In Russ.).
11. Lipatnikova G. I. Etalony povedeniya studentov Karlova universiteta [Behavior standards of Charles University students]. *Izvestiya Vo-ronezhskogo pedagogicheskogo instituta* = Izvestia VGPI, vol. 229, Voronezh, 1984, pp. 85–103. (In Russ.).
12. Lipatnikova G. I. K probleme feodal'noi intelligentsii [To the problem of feudal intelligentsia]. *Voprosy istorii slavyan* = Questions of the Slavs History, Voronezh, 1985, pp. 3–15. (In Russ.).
13. Ocherki istorii shkoly i pedagogiki za rubezhom [Essays on the history of school and pedagogy abroad]. Part. I, Moscow, 1988. (In Russ.).
14. Paul'sen F. Germanskii universitety [German universities]. Saint Petersburg, 1904. (In Russ.).
15. Petran' I. Karolinum [Karolinum]. translated from Czech A. V. Randina. Praga, 1988. (In Russ.).
16. Rabinovich V. L. Uchenyi chelovek v srednevekovoi kul'ture [Man scientist in medieval culture]. *Nauka i kul'tura* = Science and culture, Moscow, 1984. (In Russ.).
17. Rabinovich V. L. Ispoved' knigocheya, kotoryi uchil bukve, a ukrepil dukh [Confessions of a book-lover, who taught the letter, but strengthen the spirit]. Moscow, 1991. (In Russ.).
18. Randin A. V. Russkaya dorevolutsionnaya istoriografiya ob istorii Prazhskogo universiteta 1348–1434 gg. [Russian pre-revolutionary historiography about the history of Prague University 1348–1434]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Istoriiya* = MSU Vestnik. Series History, 1986, no. 1, pp. 71–81. (In Russ.).
19. Randin A. V. Ideinaya bor'ba v Prazhskom universitete vo vtoroi polovine XIV v. [Ideological struggle at Prague University in the second half of the XIV century]. Moscow, 1986, pp. 104–122. (In Russ.).
20. Randin A. V. Rasstanovka sil v gusitskom dvizhenii i magistratsii Prazhskogo universiteta [The alignment of forces in the Hussite movement and Masters of Prague University]. *Sotsial'no-politicheskie i kul'turnye protsessy v stranakh Evropy i Ameriki v srednie veka i novoe vremya* = Socio-political and cultural processes in Europe and America in the middle ages and modern times, Ioshkar-Ola, 1990, pp. 3–43, 174–185. (In Russ.).

21. Randin A. V. Gusitskaya revolyutsiya i Prazhskii universitet [The Hussite revolution and the University of Prague]. Ioshkar-Ola, 1994. (In Russ.).
22. Randin A. V. Universitety [Universities]. *Rossiiskaya pedagogicheskaya entsiklopediya* = Russian Pedagogical Encyclopedia, vol. 2, Moscow, 1999, pp. 466–467. (In Russ.).
23. Sidorova N. A. Osnovnye problemy istorii universitetov v srednie veka v osveshchenii sovremennoi burzhuaznoi istoriografii [The main problems of the history of the universities in the middle ages in the coverage of modern bourgeois historiography]. *Srednie veka* = Middle ages, 1963, issue. 23, pp. 229–237. (In Russ.).
24. Strukov B. G. Universitety Germanii kak tsentry obrazovaniya i kul'tury v srednie veka [German universities as centers of education and culture in the middle ages German universities as centers of education and culture in the middle ages]. *XIV – pervaya polovina XV v.: avtoref. ... dis. kand. nauk* = XIV – first half of XV century: abstract... dissertation of candidate of Sciences], Moscow, 1980. (In Russ.).
25. Strukov B. G. Srednevekovoe nemetskoe studenchestvo v protsesse obucheniya v pervykh nemetskiikh universitetakh kontsa XIV–pervoi poloviny XV v. [Medieval German students in the learning process in the first German universities of the late XIV – first half of the 15th century]. Ruk. dep. v INION AN SSSR, no. 4856, 1980. (In Russ.).
26. Suvorov N. S. Srednevekovye universitety [Medieval universities]. Moscow, 1898. (In Russ.).
27. Uvarov P. Yu. Universitet v srednevekovom gorode [University in the medieval city]. *Kul'tura i iskusstvo zapadno-evropeiskogo srednevekov'ya* = Culture and art of the Western European middle ages, Moscow, 1981. (In Russ.).
28. Uvarov P. Yu. Istoriya srednevekovykh universitetov vo franko-bel'giiskoi istoriografii nachala 1980-kh gg.: obzor [History of medieval universities in Franco-Belgian historiography of the early 1980s.: review]. *Srednie veka* = Middle ages, issue. 51, Moscow, 1988, pp. 55–71. (In Russ.).
29. Uvarov P. Yu. Istoriya intellektualov i intellektual'nogo truda v srednevekovoi Evrope [History of intellectuals and intellectual work in medieval Europe]. Moscow, 2000. (In Russ.).
30. Antika a Česká kultura. Praha, 1978.
31. Bartoš F. M. Collegium pauperum na Karlově universitě. *VČAVU*, 1944, 53. S. 81–83.
32. Becka J., Urbanková E. Katalog kolejí Karlovy university. Praha, 1948.
33. Beránek K. O počátcích pražské lakařské fakulty 1348–1622. *Acta Universitatis Carolinae Pragensis (HUCP)*, 1968, vol. IX-2, pp. 44–87.
34. Beránek K. Příspěvek k nejstarším dějinám pražských universitních kolejí. *HUCP*, 1983, vol. XXIII-I, pp. 57–63.
35. Beránek K. Bakaláři a mistři filozofické fakulty Univerzity Karlovy v letech 1586–1620. Praha, 1989.
36. Boháček M. Založení a nejstarší organizace pražské university. *HUCP*, 1965, vol. VI-1. pp. 5–31.
37. Boháček M. Pražská universitní statuta a jejich boloňský vzor. *Studie o rukopisech*, 8, 1969, pp. 11–64.
38. Classen P. Studium und Gesellschaft im Mittelalter. Stuttgart, 1983.
39. Dějiny Univerzity Karlovy. D. I. 1347/48-1622. Praha, 1995.
40. Gregorovičová E. Knihovna mistra Stanislava z Velvar. *HUCP*, 1978, vol. XVIII-1, pp. 107–127.
41. Haasová-Jelinková M. Správa a kancelář pražské university v první době jejího trvání. Praha, 1948.
42. Hlavaček I. Studie k dějinám knihoven v českém state v době předhusitské. *HUCP*, 1965, vol. VI-2, pp. 5–52.
43. Hlavaček I. Z knižní kultury doby Karla IV a Václava IV v českých zemích. *HUCP*, 1978, vol. XVIII-1, pp. 7–60.
44. Chaloupecký V. Karlova universita v Praze. Její založení, vývoj a raz v XIV století. Praha, 1948.
45. Chronicon Universitatis Pragensis. *Fontes rerum bohemicarum*, vol. V, Praha, 1893.

46. Kadlec J. Řeholní generální studia při Karlově universitě v době předhusitské. *HUCP*, 1966, vol. VII-2, pp. 63–68.
47. Kadlec J. Das Hussitentum und die Prager Theologieprofessoran. // *Renovatio et reformatio. Wider das Bild vom «finsternen» Mittelalter. Festschrift für Ludwig Hodl zum 60. Geburtstag.* Münster, 1984. S. 224–234.
48. Kavka F. Mistři-regenti na artistické fakultě pražské university v letech 1367–1420. *Z českých dějin.* Praha, 1966, pp. 77–96.
49. Kavka F. Organizace studia na pražské artistické fakultě v době předhusitské. *HUCP*, 1967, vol. VIII-1, pp. 7–39.
50. Kavka F. Zur Frage der Statuten und der Studienordnung der Prager theologischen Fakultät in der vorhussitischen Zeit. *Folia diplomatica.* Brno, 1971, pp. 129–144.
51. Kejř J. Struktura a průběh disputace de quolibet na pražské universitě. *HUCP*, 1960, vol. I, pp. 17–54.
52. Kejř J. Stát, církev a společnost v disputacích na pražské universitě. Praha, 1964.
53. Kejř J. Kvodlibetní disputace na pražské universitě. Praha, 1971.
54. Kejř J. Příspěvky k dějinám pražské právnické university. *HUCP*, 1990, vol. XXX-2, pp. 9–24.
55. Kejř J. Dějiny Pražské právnické univerzity. Praha, 1995.
56. Knihotisk a Universita Karlova. Praha, 1972.
57. Kubiček A., Petraňová A., Petraň J. Karolinum a historické koleje University Karlovy v Praze. Praha, 1961.
58. Kubová M., University založené Karlem IV. *HUCP*, 1971, vol. XI-1, pp. 7–31.
59. Kultura středověku. Praha, 1972.
60. Martinek J. Příspěvek k poznání vlivu university na rozvoj humanistické literární činnosti v českých zemích. *HUCP*, 1969, X-2, pp. 7–16.
61. Martinek J. Vztahy předních latinsky píšících humanistů v Čechách k pražské universitě. *HUCP*, 1974, vol. XIV-1, pp. 7–18.
62. Martinek J. Úkoly v oblasti dějin českého humanistického školství. *HUCP*, 1985, vol. XXV-2, pp. 35–46.
63. Monumenta Historica Universitatis Carolo-Ferdinandese Pragensi, T. I-III. Praha, 1830–1834.
64. Moraw P. Die Universität Prag im Mittelalter. Grunzüge ihrer Geschichte im europäjschen Zusammenhang. *Die Universität zu Prag*, München, 1986. S. 9–134.
65. Novy L. a koll. Dějiny exaktních věd v českých zemích do konce 19. století. Praha, 1961.
66. Novy R. Koleje mistrů pražské university do r. 1409. *Acta universitatis Carolinae – Philosophica et Historica.* II. Praha, 1959, pp. 83–90.
67. Nodl M. Dekret kutnohorský. Praha, 2010.
68. Nodl M. Praga mater arcium. Translacio studií a pražská univerzita. *Colloquia mediaevalia Pragensia. 18. Středověká univerzitní vzdělanost.* Praha, 2017, pp. 119–133.
69. Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. Leipzig, 1919.
70. Pešek J. Některé otázky dějin university pražské jagellonského období. *HUCP*, 1978, vol. XVIII-1, pp. 129–171.
71. Petraň J. Nástin dějin filozofické fakulty University Karlovy v Praze (do roku 1948). Praha, 1983.
72. Seibt F. Von Prag bis Rostok. *Zur Gründung der Universitäten im Mittelalter. Festschrift für Walter Schlesinger.* I. Köln-Wien, 1973, pp. 405–426.
73. Spunar P. Kultura českého středověku. Praha, 1985.
74. Statuta Collegii Caroli. *Tříska J. Starší pražská univerzitní literatura.* Praha, 1978.
75. Stručné dějiny University Karlovy. Praha, 1964.

76. Schulen und Studium im Sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters. Sigmaringen, 1986.
77. Stočes J. Pražské univerzitní národy do roku 1409. Praha, 2010.
78. Svatoš M. Jan Reček a jeho písemná pozůstalost v archivu pražské university. *HUCP*, 1974, vol. XIV-1, pp. 121–160.
79. Svatoš M. Listiny k počátkům koleje Matiaše Loudy z Chlumčan. *HUCP*, 1977, vol. XVII-1, pp. 71–96.
80. Svatoš M. Hospodářské zázemí pražské university v době Karla IV. *HUCP*, 1978, vol. XVIII-2, pp. 7–36.
81. Svatoš M. Husitští mecenáši pražské university. *Husitský Tábor*, 1979, 2. pp. 47–54.
82. Svatoš M. Litevská kolej pražské university 1397–1622. *Praha – Vilnius*. Praha, 1981, pp. 19–32.
83. Svatoš M. Hospodářství Karlovy koleje (srovnání předhusitského a předbělohorského stavu). *HUCP*, 1986, vol. XXVI-2, pp. 23–33.
84. Svatoš M. Pražská univerzitní kolej Všech svátých. *HUCP*, 1991, vol. XXXI-1, pp. 85–93.
85. Schumann S. „Nationaes“ an der Universitäten Prag, Leipzig und Wien. B., 1974.
86. Šmahel F. Počátky humanismu na pražské universitě v době poděbradské. *HUCP*, 1960, vol. 1, pp. 55–90.
87. Šmahel F. Knižovní katalogy koleje Národa českého a koleje Rečkovy. *HUCP*, 1961, vol. II-1, pp. 59–85.
88. Šmahel F. Humanismus v době Poděbradské. Praha, 1963.
89. Šmahel F. Truc M. Studie k dějinám University Karlovy v letech 1433–1622. *HUCP*, 1963, vol. IV-2, pp. 3–60.
90. Šmahel F. Pražské universitní studentstvo v předrevolučním období 1399–1419. Praha, 1967.
91. Šmahel F. Mistři a studenti pražské lékařské fakulty do roku 1419. *HUCP*, 1980, vol. XX-2, pp. 35–68.
92. Šmahel F. Husitská revoluce. D. 1–4. Praha, 1993.
93. Šmahel F. Alma mater pragensia. Studie k počátkům Univerzity Karlovy. Praha, 2016.
94. Tomek W. W. Děje university pražské. Praha, 1849.
95. Tomek W. W. Dějepis města Prahy. D. IX. Praha, 1893.
96. Triska J. Literární činnost předhusitské university. Praha, 1967.
97. Váneček V. Kapitoly o právních dějinách Karlovy university. Praha., 1946.
98. Winter Z. Děje vysokých škol pražských od secesi cizích národů po dobu bitvy bělohorské (1409–1622). Praha, 1899.
99. Winter Z. O živote na vysokých školách pražských knihy dvojce. Kulturní obraz XV a XVI století. Praha, 1899.
100. Winter Z. Život a učení na partikulárních školách v Čechách v XV a XVI století. Praha, 1901.
101. Zavadzinská C. Kolegium krolewej Jadwigi przy Unwersytetcie Karola w Pradze i jego pierwszy statut. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Práce Historycyne*. Krakow, 1962, pp. 19–38.
102. Zelený K., Kadlec J. Učitele právnické fakulty a právnické university pražské v době předhusitské. *HUCP*, 1978, vol. XVIII-1, pp. 61–106.

Submitted 20.07.2018; revised 20.08.2018.

The author has read and approved the final manuscript.

About the author

Aleksandr V. Randin

Ph. D. (History), Associate Professor, St. Cyril and Methodius University in Trnava, The Slovak Republic, Trnava, alexrandin@gmail.com